

АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МИГРАНТСКОЙ МОЛОДЁЖИ В МЕГАПОЛИСЕ: РЕСУРСОБЕСПЕЧЕННОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ)

Екатерина Александровна Шекера

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
shekerak@gmail.com,
ORCID [0000-0001-6818-0181](https://orcid.org/0000-0001-6818-0181)

Для цитирования: Шекера Е. А. Адаптационный потенциал мигрантской молодёжи в мегаполисе: ресурсообеспеченность и возможность развития (на примере дагестанцев, проживающих в Санкт-Петербурге) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 122–146. DOI [10.19181/snsp.2024.12.2.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.6). EDN WKMMBA.

Аннотация. В статье в рамках ресурсного подхода по результатам анкетного опроса выявляется оценка дагестанской молодёжью, проживающей в Санкт-Петербурге, своего адаптационного потенциала, выраженного в наличии как материальных, так и нематериальных ресурсов. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что успешность социальной адаптации внутренних мигрантов в новой среде во многом зависит от наличествующего адаптационного потенциала и составляющих его ресурсов, а также возможностей его мобилизации и наращивания. Соответственно, возможно корректировать процесс социальной адаптации, развивая определённые ресурсы, переводя их в капиталы. Автором обосновано разграничение понятий «потенциал», «капитал», «ресурс». Приведена авторская операционализация понятия адаптационного потенциала мигрантской молодёжи, разработанного на базе классификации адаптационных ресурсов, предложенной Ю. М. Пасовец. Новизна данного исследования заключается в первой попытке выявления адаптационного потенциала дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, и составляющих его ресурсов. Выявлено, что на успешность адаптационного процесса наибольшее влияние оказывают личностно-культурный и социальный (индивидуальный) ресурсы. Обоснован вывод, что дополнительным ресурсом успешной адаптации может выступать включённость в общественную деятельность, но этот ресурс практически не реализован ввиду низкой включённости мигрантской молодёжи в данный вид деятельности. Соответственно, полученные результаты могут быть использованы в первую очередь лидерами и активистами общественных организаций, представляющих Республику Дагестан в Санкт-Петербурге, для вовлечения молодёжи в обществен-

ную деятельность. Полученные данные возможно использовать для корректировки процесса социальной адаптации дагестанской молодёжи на муниципальном уровне и уровне субъекта федерации.

Ключевые слова: социальная адаптация, адаптационный потенциал, ресурсы адаптации, дагестанская молодёжь, Санкт-Петербург, внутренняя миграция, ресурсный подход, капитал

Введение

Вопросы социальной адаптации мигрантов, в том числе внутренних, сохраняют свою актуальность в исследованиях миграции. Одни группы адаптируются в принимающее общество бесконфликтно, другие же постепенно маргинализируются, становясь завсегдатаями криминальных хроник, причин для этого может быть множество. Актуальность исследования, данные которого анализируются в статье, обусловлена тем, что успешность социальной адаптации внутренних мигрантов в новой среде во многом зависит от наличествующего адаптационного потенциала и составляющих его ресурсов, а также от возможностей его мобилизации и наращивания. Выявление составляющих адаптационного потенциала дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, позволит выделить наиболее востребованные ресурсы, а также дефицитные и невостребованные. Дагестанская молодёжь характеризуется как довольно «заметная» (в подавляющем большинстве случаев данное слово имеет отрицательную коннотацию) группа в Санкт-Петербурге, наряду с представителями других субъектов СКФО, что актуализирует социальный запрос на «мягкую» корректировку процесса социальной адаптации, для ответа на который требуется понимание структуры, объёма и сущности адаптационного потенциала дагестанской молодёжи. Это позволит увидеть, какие ресурсы входят в адаптационный потенциал, выявить нереализуемые, которые возможно мобилизовать для «сглаживания острых углов» адаптационного процесса.

Методология исследования

Основными в понятийном аппарате исследования являются категории ресурсов, адаптационного потенциала и капитала. Не претендуя на полный обзор теоретических подходов, рассмотрим вышеперечисленные понятия в рамках процесса социальной адаптации на примере работ отечественных и зарубежных исследователей. В отечественных социальных науках понятия «адаптационный потенциал» и «адаптивный потенциал» употребляются как синонимы [1]. Наиболее часто цитируемым определением адаптивного потенциала является определение, данное Л. В. Ко-

рель: «совокупность свойств, качеств, характеристик (ресурсов), которые существуют у адаптанта в скрытом виде и «задействуются», то есть актуализируются, в ходе адаптации» [2, с. 307]. При этом адаптивный потенциал, согласно Л. В. Корель, складывается из двух векторов: с одной стороны, он включает в себя способность к сопротивлению среде с её последующей перестройкой «под себя», с другой – способность к ассимиляции со средой с последующим поглощением ею [2, с. 307].

Пришедшее из экономики понятие «капитал» рассматривалось изначально как набор материальных ресурсов, однако этого оказалось недостаточно для разработки объяснительных моделей существования некоторых явлений, например, неравенства в социальной стратификации при наличии примерно равных материальных ресурсов. Основы понятия «капитал» в социальных науках заложены П. Бурдьё. К основным видам капитала он относит экономический (институционализируется в форме прав собственности), культурный (институционализируется в форме образовательных квалификаций)¹, социальный (существует в форме межличностных отношений, его образуют социальные обязательства «связи») [3]. Символический капитал делает возможным, или узаконивает, использование других видов капитала, это своего рода кредит доверия или репутация индивида. Таким образом, капитал является и ресурсом, и инструментом для достижения целей индивида. Общий объём капитала [4, с. 15] (сумма всех видов капитала) и сочетание разных видов капитала адаптанта – это его ресурсная база, которая может быть эффективной или неэффективной в зависимости от способов её использования [5, с. 3–4]. Задача адаптации связана с мобилизацией имеющихся ресурсов. Однако для успешной адаптации необходимо не просто наличие адаптационных ресурсов, но и их «ликвидность», востребованность в данной конкретной ситуации. Каждый ресурс имеет адаптивную ценность, а потому его адаптивный характер не абсолютен, а относителен [6, с. 13]. Таким образом, принципиально важна адекватная оценка адаптирующимся субъектом своего адаптивного потенциала, а также способность к его наращиванию в тех ресурсах, которые максимально ликвидны в данной среде в конкретный момент времени, либо прогнозирование этой ликвидности.

В отечественной социологии попытку экономико-социологической интерпретации понятия «капитал» предпринял В. В. Радаев [7, с. 5–17], интеллектуально проработав теоретические наработки П. Бурдьё, Дж. Коулмана и других исследователей, а также составив классификацию ос-

¹ Однако П. Бурдьё, расширяя понятие «человеческий капитал» Г. Беккера, которое непосредственно связано с образованием, включает в культурный капитал не только образование, но и манеру поведения, речи, эрудиции, жизненной философии и т. д.

новных форм капитала и проблемы их взаимной конвертации¹. Основная цель В. В. Радаева носит прикладной характер – поиск операциональных понятий для применения в эмпирических исследованиях. В. В. Радаев расширил список, предложенный П. Бурдьё, до восьми видов капитала. Так, из экономического капитала он выделил физический, из культурного – человеческий и административный, из социального – политический и символический. Все указанные формы капитала могут в той или иной мере конвертироваться в экономический капитал, в том числе в его денежную форму. Под капиталом В. В. Радаев понимает «накапливаемый хозяйственный ресурс, который включён в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путём взаимной конвертации своих разнообразных форм» [7, с. 21]. В исходном политико-экономическом определении капитал обладает пятью конституирующими свойствами: ограниченностью, способностью к накоплению, ликвидностью (способностью превращаться в денежную форму), способностью к конвертации (постоянной смене собственных форм, благодаря которым капитал и воспроизводится) и самовозрастающей стоимостью (благодаря воспроизводству).

Понятие «социальный капитал» относится к ресурсам, связанным с прочными и надёжными связями в социальных сетях. Со второй половины XX века в социальном капитале стали также выделять сетевой капитал², однако в данном исследовании мы будем придерживаться классической трактовки социального капитала через объём и характер связей адаптанта.

В рамках ресурсного подхода [11], который заключается в выявлении и оценке имеющихся ресурсов у изучаемого объекта (индивида, группы, населения страны и др.), работали многие отечественные учёные, предложившие свои наборы ресурсов и способы их эмпирической интерпретации. Данная работа опирается на определение понятия «адаптационные ресурсы», предложенное А. Н. Осяниным: «совокупность потенциальных и актуальных средств, которыми обладает и которые использует субъект для обеспечения эффективной деятельности и успешной адаптации» [12, с. 20]. В целом все предложенные ресурсы опираются на перечисленные выше виды капиталов и представляют собой различные комбинации и где-то более мелкое, где-то более крупное типологическое деление [2; 13; 1; 14; 15]. Характер изменения в российской действительности (социально-экономическая турбулентность времён распада Советского Союза и дальнейшие экономические кризисы) показал, что наиболее стабильными оказались нематериальные виды ресурсов, составляющих адаптационный потенциал (см., например, [16; 17]), среди которых осо-

¹ Иные классификации капитала представлены в работах отечественных исследователей: [8; 9].

² Дискуссию о соотношении социального и сетевого капитала см. [10].

бое место занимает социальный капитал. Его исследованию посвящено подавляющее большинство отечественных исследований по капиталу вообще (см., например, [18; 19].

Обобщённо соотношение понятий «потенциал», «капитал», «ресурс» в понимании автора исследования, представленного в статье, выглядит следующим образом:

- Ресурс – запас материальных и нематериальных средств, который используется для удовлетворения потребностей.
- Капитал – совокупность ресурсов, которые можно применять для получения различного вида пользы, которые, в свою очередь, могут быть конвертированы в денежный доход. Капитал может быть скорректирован посредством целенаправленного инвестирования (временного, денежного и т. д.) в определённые виды ресурсов.
- Потенциал – совокупность ресурсов, существующих в скрытом виде, которые могут быть мобилизованы для достижения тех или иных целей. Мобилизация потенциала при благоприятных условиях переводит его в капитал при возможности получения пользы от его применения. Потенциал может включать в себя ресурсы (удовлетворение наличествующих потребностей), капиталы (целенаправленное инвестирование для увеличения шансов достижения жизненных целей от определённых ресурсов) и пассивную часть, которая не оказывает на текущую деятельность никаких эффектов.

Успешность социальной адаптации достигается через наличие и активацию имеющихся ресурсов, таким образом, задача данной статьи определить ресурсообеспеченность дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, а также предложить возможные пути активации и развития недоиспользованных и комбинации наличествующих ресурсов. По результатам проведённого аналитического обзора подходов к структурированию ресурсов адекватным для целей анализа автор принимает классификацию, разработанную Ю. М. Пасовец [1], по отношению к которой и конструирует эмпирическую интерпретацию конкретных ресурсов.

Методика сбора, анализа и интерпретации эмпирических данных

Одной из основных проблем изучения внутренней миграции является невозможность определения количества внутренних мигрантов, находящихся на той или иной территории в конкретный временной отрезок (подробнее см.: [20, с. 95]). По данным представителя Республики Дагестан в Санкт-Петербурге Гасана Гасанова от декабря 2020 г.: «Сегодня

свыше 75 тысяч дагестанцев официально прописано и зарегистрировано в городе и области»¹. Установить же точное количество молодёжи в возрасте от 16 до 35 лет, проживающей в городе, невозможно.

Цели и задачи исследования не требовали строгой репрезентации по определённым критериям тем более, что такая статистика отсутствует: интерес представлял первый диагностический замер общего состояния адаптационного потенциала дагестанской молодёжи в мегаполисе. Для такого замера объём совокупности, позволяющий делать общие выводы, допускается ограничить 300 респондентами. Методами сбора информации, адекватными целям и задачам исследования, стали аудиторный опрос, личные интервью, самозаполнение он-лайн по единому инструментарию.

Анкетирование проходило с 20 апреля по 20 мая 2019 г. Опрашивались представители молодёжи из Дагестана, проживающие в Санкт-Петербурге (в том числе проживающие с рождения – 23 респондента), в возрасте от 16 до 35 лет. Изначально анкетирование проводилось на совместном мероприятии КПЦ «Дагестан» и СПБОО «Содружество Молодёжи Дагестана», но раздаточное анкетирование на бумажном носителе не оправдалось ввиду занятости респондентов и объёма анкеты (анкета включает 48 вопросов). Респонденты просили прислать ссылку в электронном виде, чтобы иметь возможность заполнить анкету в удобное время. Таким образом, основной сбор данных проходил посредством распространения ссылки на анкету, расположенную на сервисе *Google Формы*, через площадки в социальной сети «ВКонтакте»: группы некоммерческих организаций – КПЦ «Дагестан» и СПБОО «Содружество Молодёжи Дагестана», также группу, ориентированную на проживающих в Санкт-Петербурге земляков из Дагестана.

Всего пригодных для анализа анкет собрано 303. В рамках настоящего исследования будут проанализированы данные только 280 респондентов, непосредственно совершивших переезд из Республики Дагестан в Санкт-Петербург. База данных формировалась, и результаты анкетного опроса обрабатывались с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics.

К доминирующим причинам переезда молодёжи из Республики Дагестан в Санкт-Петербург, как показал опрос, относятся²: получение образования (61,3%), желание получить больше возможностей для развития (45,7%), намерение больше заработать (27,0%), повысить уровень жизни

¹ Казибеков М. Санкт-Петербург и Махачкала: далёкое и близкое... // Махачкалинские известия. Общественно-политический еженедельник. 04.12.2020. URL: https://midag.ru/2020/12/04/sankt_peterburg_i_makhachkala_dalekoe_i_blizkoe___/ (дата обращения: 16.06.2023).

² Отмеченные более, чем 20% опрошенных.

(23,8%), найти более интересную работу (21,3%), отсутствие перспектив нормальной жизни на прежнем месте (21,3%), возможность трудоустроиться по специальности (20,2%).

Таблица 1

Типология, интерпретация и эмпирические индикаторы ресурсов адаптации

Ресурсы адаптации	Интерпретация	Индикаторы
Материальный	Уровень доходов, объём собственности, жилищные условия и др.	Достаточное количество денежных сбережений, среднемесячный доход, основные источники дохода, жилищные условия, в том числе собственность
Демографический	Физические характеристики, семейное положение и др.	Пол, возраст, брачный статус, наличие детей
Личностно-культурный	Качества личности, её ценности, установки, идеалы и др.	Собственная целеустремлённость, предприимчивость, активность, требовательность к себе, жизненный опыт
Социальный	Включённость в различные социальные сети, обладание властью и др.	Помощь, поддержка родственников и друзей из земляков и/или из местных жителей, связи с нужными людьми (деловые, официальные, неформальные), помощь местных общественных организаций, помощь государственных структур, круг общения, вовлечённость в общественную деятельность, взаимодействие с общественными организациями
Образовательно-профессиональный	Уровень образования и квалификации, профессиональный статус	Наличие и уровень образования, профиль образования, наличие работы, профессиональный опыт, характер труда, сфера труда, наличие желания сменить работу

Исходя из выявленных причин переезда, успешность социальной адаптации дагестанской молодёжи мы определяем как встраивание в принимающее общество посредством образовательной и/или трудовой деятельности. Эмпирическими критериями успешности социальной адаптации молодых мигрантов из Дагестана в исследовании являются самоощущение степени приспособления к новым условиям жизни и позитивные изменения профессионального статуса и возможностей профессионального роста, финансового.

Проведённый анализ предыдущих исследований позволил остановиться на выборе классификации ресурсов, разработанной Ю. М. Пасовец [1], операционализировав их исходя из целей данного исследования (см. табл. 1). Выбранная классификация представляется в данном случае

наиболее приемлемой, единственное, был исключён властный ресурс, поскольку он малодоступен для мигрантской молодёжи. Индикаторы ресурсов были разработаны с учётом приведённого обзора исследований, стандартных вопросов (паспортичка), а также целей настоящего исследования. Сами вопросы и варианты ответов были разработаны с учётом проведённого в 2011 году авторского пилотажного исследования, эмпирическим объектом изучения которого являлась дагестанская студенческая молодёжь, проживающая в Санкт-Петербурге.

Результаты

Большинство дагестанской молодёжи к новым условиям жизни в Санкт-Петербурге адаптировалось: 73,9% – полностью, 20,0% – отчасти, никак не приспособились – 2,2%, затруднились с ответом – 3,9%. Таким образом, степень адаптированности по самоощущениям основной части молодёжи довольно высокая. На успешность социальной адаптации непосредственно влияет обустройство на новой территории, что выражается в изменении положения после переезда в Санкт-Петербург (см. табл. 2.).

Таблица 2
Изменение положения после переезда в Санкт-Петербург, в %

Статус/положение	Характер изменений положения после миграции				
	улучшилось	ухудшилось	осталось прежним	затруднились	не ответили
Профессиональный статус и возможности профессионального роста	58,9	16,1	6,8	4,6	13,6
Финансовое положение	44,3	14,6	14,6	6,5	20,0
Имущественное (квартира, машина и т. д.)	25,0	11,4	23,2	5,7	34,7

Выявлено улучшение профессионального статуса и возможностей профессионального роста (58,9%) и финансового положения (44,3%), как следствие – улучшение имущественного положения (25,0%), однако примерно такая же часть опрошенных (23,2%) отметила, что имущественное положение осталось на прежнем уровне. Примерно у каждого седьмого опрошенного все три показателя: финансовый, имущественный, профессиональный – ухудшились после переезда.

Демографический ресурс адаптации. Основные социально-демографические характеристики молодёжи из Дагестана, проживающей в Санкт-Петербурге, отражены в таблице 3.

Таблица 3

Основные социально-демографические характеристики, в %¹

Характеристики		Распределение респондентов
Возраст, лет	16–19	13,2
	20–23	28,2
	24–27	28,9
	28–31	17,5
	32–35	9,7
Семейный статус	Холост/не замужем	62,1
	Женат/замужем	31,8
	Разведен (-а)	5,3
	Вдовец/вдова	0,4
Наличие детей	Нет детей	72,1
	Да, 1 ребёнок	12,5
	Да, 2 ребёнка	12,1
	Да, 3 ребёнка	1,4
	Да, более 3 детей	0,8

Распределение респондентов по полу практически равное: 47,9% – женщин и 52,1% – мужчин. Наиболее многочисленные дагестанские этносы, представленные в проведённом опросе, входят в список 14 коренных малочисленных народов Республики Дагестан: аварцы – 80 (28,6%), лезгины – 51 (18,2%), кумыки – 47 (16,8%), даргинцы – 32 (11,4%), табасаранцы – 21 (7,5%), лакцы – 17 (6,1%) и др.

Материальный ресурс адаптации. Основа материального положения – это наличие и уровень дохода. Мы рассмотрим доход на одного члена семьи учитывая иждивенческую нагрузку (в данное понятие мы включили только наличие детей). Фактически оценивался уровень дохода респондентов на одного члена семьи (относительно прожиточного минимума 11 055 руб./мес. по Санкт-Петербургу за IV квартал 2018 г. в зависимости от количества детей²). В совокупности доход 41,8% опрошенных примерно равен прожиточному минимуму (соответствует и немного выше), 17,8% имеют доходы ниже прожиточного минимума, также совокупно 36,1% имеют доход существенно выше прожиточного минимума (в два, три, четыре и более раз). Большинство респондентов, имеющих детей, по уровню дохода расположены относительно прожиточного минимума в категориях: «ниже», «соответствует», «немного выше». Основные источники доходов респондентов представлены на рисунке 1.

¹ В таблице не представлен вариант «Другое». 2,5% респондентов не указали возраст, 0,4% — не указали семейный статус, 1,1% — не указали наличие/отсутствие детей.

² 4,3% респондентов не ответили на данный вопрос.

Рис. 1. Основные источники доходов респондентов

Данные опроса показывают, что в целом дагестанская молодёжь довольно активно включена в различную трудовую деятельность.

Продолжительность проживания респондентов в Санкт-Петербурге также может рассматриваться как дополнительный временной ресурс. Рубеж проживания в 10 лет – это достигнутый этап приживаемости по Л. Л. Рыбаковскому [21, с. 74]. Действительно, наибольшее число опрошенных, которые имеют своё жильё в Санкт-Петербурге (всего своё жильё имеют 14,6%, см. рис. 2), проживают в городе более 10 лет, распределение наличия собственного жилья в зависимости от сроков проживания выглядит следующим образом: более 10 лет (5,0%), 7–10 лет (3,2%), 4–6 лет (3,2%), 1–3 года (2,5%), меньше года (0,7%)¹.

Образовательно-профессиональный ресурс адаптации. На момент проведения опроса 38,6% опрошенных уже имели высшее образование, 24,3% – среднее специальное, 1,8% – получили степень кандидата наук. О наличии любого вида обучения на момент прохождения опроса сообщили совокупно 51,4% опрошенных. О наличии любого вида работы на момент прохождения опроса сообщили 67,8% опрошенных, в том числе 4,6% совмещают занятость по основному месту работы с дополнительной, неработающие составили 31,4%.

Совокупно 16,1% имеющих постоянную работу совмещают её с учёбой, 2,5% совмещают работу по основному месту работы, дополнительную работу и обучение. Также выявлена небольшая совокупность респондентов, не задействованных ни в учебной, ни в трудовой деятельности – 5,4%.

¹ Подробнее о проживании см. работу автора статьи [27].

Рис. 2. Жилищные условия молодых дагестанцев в Санкт-Петербурге¹

Далее рассмотрим сферы трудовой деятельности, в которых работает дагестанская молодёжь, проживающая в Санкт-Петербурге (см. рис. 3).

Исследование коллег [22] на основании результатов опроса выпускников университетов России выявило зависимость уровня заработной платы от степени совпадения полученного образования и сферы трудовой деятельности: чем выше несоответствие, тем ниже заработная плата. Таблица сопряжённости (не представлена в силу её объёма) по соотношению работы по специальности и сферы деятельности показала, что наибольшее количество респондентов, работающих по специальности, сосредоточено в сферах (по убыванию): медицина, фармацевтика, аптеки, наука/образование, государственные организации. Совпадение специальности и занятости представляет собой значимый адаптационный ресурс не только по показателю зарплаты, но и по нематериальному показателю удовлетворённости этой сферой жизни.

Немаловажную роль в оценке профессиональной деятельности играет её характер (см. рис. 4).

Тот факт, что более половины опрошенных заняты на должностях специалистов и руководителей, говорит о достаточном уровне адаптированности по этому ресурсному показателю.

Основным индикатором удовлетворённости от текущей трудовой деятельности является наличие/отсутствие желания сменить место работы: желание сменить работу имеется у 44,2% опрошенных, что свидетельствует о недостаточно полном удовлетворении их текущих потребностей.

¹ Нет ответа – 0,7% респондентов.

Рис. 3. Сферы трудовой деятельности, в которых работает дагестанская молодёжь, проживающая в Санкт-Петербурге¹

Социальный ресурс адаптации. Поскольку проведённое исследование не преследовало цели фокусирования только на ресурсах адаптации, мы используем расширенную классификацию, а именно выделение индивидуального и организационного социального капитала. Рассмотрим подробнее, какими ресурсами социального капитала обладает дагестанская молодёжь, проживающая в Санкт-Петербурге.

Успешность процесса социальной адаптации во многом зависит от интенсивности связей в повседневной жизни с представителями принимающего общества, поскольку чем интенсивнее позитивные связи, тем легче проходит адаптация и интеграция. Наименее востребованными оказались варианты: соседи по дому (15,4%) и соседи по району (12,1), что довольно характерно для приезжих в мегаполисе: разрушение традиционного

¹ Доли рассчитаны от количества работающих – 190 респондентов, 1,8% не указали сферу деятельности.

Рис. 4. Характер трудовой деятельности¹

соседства в урбанизированном пространстве, мобильный характер жизни (частые переезды в связи с меняющимися обстоятельствами) и т. д. 6,4% респондентов оказались абсолютно не вовлечёнными в интенсивные социальные сети, указав на полное отсутствие друзей. В целом наблюдается высокая внутригрупповая сплочённость, поскольку ближайший круг общения совокупно 84,3% респондентов составляют в том числе родственники и земляки.

В рамках методологии исследования общественная деятельность рассматривается как «адапталлизатор, то есть как совокупность элементов, условий, регуляторов, детерминант, повышающих адаптивную способность, помогающих раскрыться адаптивному потенциалу, ускоряющих адаптивный процесс» [23, с. 74]. Только 15,0% опрошенных были вовлечены в общественную деятельность на момент опроса (лидер и член/волонтер общественной организации). До переезда в Санкт-Петербург каждый пятый респондент (21,8%) был вовлечён в общественную деятельность. После переезда процент вовлечённых в общественную деятельность снизился (с 21,8% до 15,0%). Прослеживается тенденция более активной вовлечённости в общественную деятельность тех, кто мигрировал недавно: проживает в городе от одного до трёх лет.

Далее, чтобы не задавать респондентам наводящий вопрос, было скрыто наименование активно действующей в Санкт-Петербурге молодёжной

¹ 190 респондентов, 2,6% не указали характер трудовой деятельности.

организации – СПБОО «Содружество Молодёжи Дагестана», вопрос задавался в обобщённом виде: «Можете ли вы сказать что-либо о какой-нибудь молодёжной организации, представляющей Республику Дагестан в Санкт-Петербурге?» Довольно малый процент имеет отношение к молодёжной организации, представляющей Республику Дагестан в Санкт-Петербурге, совокупно о вовлечении («Являюсь членом этой организации» и «Являюсь организатором (активным участником) организации») сообщили 13,9% респондентов, чуть более трети информировано о наличии такой организации (33,9%), 0,4% респондентов получали помощь, т. е. совокупно 48,2% опрошенных в разной степени взаимодействуют (в том числе осведомлены о существовании) с СПБОО «Содружество Молодёжи Дагестана», и это при том, что данная организация проводит около 100 мероприятий ежегодно. Далее респондентам, которые указали на любые виды взаимодействия с СПБОО «Содружество Молодёжи Дагестана», включая информированность¹, было предложено ответить на вопрос: «Какие преимущества Вы видите в том, что состоите в молодёжной организации, представляющей Республику Дагестан в Санкт-Петербурге?» Среди преимуществ членства (реальных или потенциальных)² в молодёжной организации, представляющей Республику Дагестан в Санкт-Петербурге, доминирует коммуникативно-культурная направленность – общение с земляками (51,9%), сохранение культуры (47,4%), новые знакомства (48,1%), далее следует просветительская направленность («просвещают окружающих людей о культуре и народах Дагестана») (39,3%), затем – познавательная – узнают что-то новое (40,0%), также досугово-деятельностная направленность – совершают хорошие дела (34,1%) и участвуют в мероприятиях (31,1%), малая доля респондентов (5,2%) реализует свой проект, также значимо получение моральной поддержки (28,9%) и возможность обратиться за помощью (24,4%).

В Санкт-Петербурге находится дагестанское землячество, при проведении анкетного опроса оно было определено как диаспора³. Только треть опрошенных (32,9%) поддерживает связь с ней. Диаспора не играет никакой роли в повседневной жизни 66,7% опрошенных⁴.

Ответы остальных выявили, что среди преимуществ связи с диаспорой доминирует коммуникативно-культурная направленность – сохранение культуры (57,6%) и поддержание связи со «своими» (50,0%), на втором

¹ Информированность понимается в широком смысле, в том числе указывает на периодическое взаимодействие, например, посещение мероприятий.

² Мнение 135 респондентов (48,2% всей выборки), которые отметили взаимодействие с СПБОО «Содружество Молодёжи Дагестана».

³ Понятие «диаспора» в данном исследовании применяется к внутренним мигрантам, проживающим в ином субъекте РФ.

⁴ 0,4% респондентов не ответили на данный вопрос.

месте прагматическая направленность – есть к кому обратиться за помощью в случае чего (50,0%) и новые полезные знакомства (48,9%), замыкает тройку досуговая направленность (42,4%). Для сравнения, возможность обращения за помощью в дагестанскую диаспору значима для 50,0% опрошенных, в то время как в молодёжную общественную организацию – 24,4%, что понятно, поскольку молодёжная общественная организация обладает гораздо меньшими возможностями.

Обсуждение

В предыдущем разделе описывались фактологические данные относительно адаптационного потенциала дагестанских мигрантов. Без личного отношения к процессу вживания в новую среду не понять и не оценить продуктивность использования и капитализации этого потенциала. Прежде чем перейти к обсуждению результатов и формулированию выводов, рассмотрим данные о *личностной значимости адаптационных ресурсов (в том числе личностно-культурный ресурс адаптации)*. Респондентам задавался вопрос: «Что из перечисленного ниже, по-вашему мнению, помогло/воспрепятствовало/не помогло вам приспособиться к новым условиям жизни в Санкт-Петербурге?» В инструментарии предлагался перечень адаптационных ресурсов (см. табл. 1). На рисунке 5 представлено распределение ответов респондентов.

Самым востребованным и эффективным типом ресурсов, который помог приспособиться молодым мигрантам из Дагестана к новым условиям жизни в Санкт-Петербурге, оказался *личностно-культурный*: собственная целеустремлённость, предприимчивость, активность, требовательность к себе (92,9%), а также жизненный опыт (69,4%). Вторым по эффективности адаптации оказался *социальный (индивидуальный)*, выраженный в семейно-родственных, дружеских и земляческих связях (75,5%), родственников и друзей из местных жителей (62,2%), связях с нужными людьми (46,2%). На третьем месте – *образовательно-профессиональный* ресурс, выраженный в виде профессионального опыта, который на момент опроса помог 44,4% респондентов. *Материальный* ресурс в виде достаточного количества денежных сбережений занял четвёртое место, способствовав адаптационному процессу 36,8% опрошенных. Наконец, наименее востребованный вид ресурсов – *социальный (организационный)*, выраженный в помощи местных общественных организаций – 18,5% и помощи государственных структур – 12,2%. Эти ресурсы лидируют по критерию «не помогло приспособлению» – 24,4% (помощь местных общественных организаций) и 23,3% (помощь государственных структур), и по критерию «такого ресурса у меня не было» – 50,4% и 52,7%

Рис. 5. Характер влияния ряда ресурсов на адаптацию молодых дагестанцев к новым условиям жизни в Санкт-Петербурге, % от ответивших (n=280)

соответственно. Попытка выделения антисредств социальной адаптации (вариант «воспрепятствовало») не может быть оценена однозначно, поскольку интерпретация полученных результатов возможна только при более глубоком изучении, например, при проведении интервью.

Таким образом, наблюдается следующая тенденция: одни виды ресурсов компенсирует отсутствие других, либо индивиды сознательно выбирают определённую стратегию, при которой развивают наиболее выгодные ресурсы, превращая их в капиталы.

В целом данные показывают, что опрошенная дагестанская молодёжь в максимальной степени в процессе социальной адаптации полагается на себя, то есть на собственную целеустремлённость, предприимчивость, активность, требовательность к себе (92,9%). Используемый в процессе адаптации личностно-культурный ресурс опирается на базовые ценности российской молодёжи. Так, согласно исследованию М. К. Горшкова и Ф. Е. Шереги, качества, которые российская молодёжь ценит в людях в наибольшей степени: ум (69,3%), целеустремлённость (48,9%), уверенность в себе (48,7%) [24, с. 131]. Эти ценностные ориентации сегодняш-

ней российской молодёжи, по мнению авторов упомянутого исследования [24, с. 135], составляют потенциал формирования активной, в гражданском отношении плодотворной и ответственной позиции, гражданской самостоятельности и инициативности, необходимых для осознания молодёжью своих прав и ответственности за будущее государства. Вовлечение в общественную деятельность способно не только привить потребность в консолидации, но и предоставить необходимые инструменты для решения как личных, так и общественных задач. Несмотря на очевидные плюсы от занятий общественной деятельностью, вовлечённость дагестанской молодёжи остаётся на низком уровне. Стоит сделать необходимую оговорку: полученные в исследовании данные являются завышенными (15,0% вовлечены в общественную деятельность), поскольку распространение анкеты в том числе происходило посредством молодёжной общественной организации, представляющей Республику Дагестан в Санкт-Петербурге, СПБОО «Содружество Молодёжи Дагестана». Соответственно, данный показатель существенно выше общероссийского, так, по данным Росстата за 2020 год¹, в деятельность общественных, добровольных и благотворительных организаций (движений) вовлечено 4,5% респондентов в возрасте 16–29 лет (для дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге в возрасте от 16 до 29 лет данный показатель – 11,4%).

Как и в исследованиях, приведённых выше (см., например, [18; 19]), социальный капитал занимает крайне сильную позицию в адаптационном потенциале дагестанской молодёжи, что объясняется высокой внутригрупповой сплочённостью, поскольку ближайший круг общения совокупно 84,3% респондентов составляют в том числе родственники и земляки. Похожие результаты демонстрирует исследование К. И. Казенина и И. В. Стародубровской дагестанских мигрантов в Астрахани [25]. В ходе исследования было выявлено, что «среднее число людей той же национальности, что и респондент, среди пяти человек, контакты с которыми наиболее часты, у молодёжи – 3,1, а у более старших – 3,6%» [25, с. 421]. К. И. Казенин и И. В. Стародубровская приходят к выводу, «что в условиях отсутствия дискриминации мигрантов и ассимиляционного давления на них происходит постепенная интеграция в том числе и представителей замкнутых переселенческих сообществ, причём эта интеграция характеризуется низкой конфликтностью, хотя всё равно сопровождается достаточно высоким уровнем стресса (особенно у девушек). Можно также утверждать, что подобные условия способствуют интеграции в культуру мейнстрима, а не в контркультуру, поскольку система образования обеспечивает перспективу вертикальных лифтов и необходимую социа-

¹ Российский статистический ежегодник. Стат. сб. / Росстат. М., 2021, С. 259.

лизацию в принимающем обществе. В то же время в определённой мере интеграция происходит в мусульманскую культуру – так, для молодёжи могут быть менее важны браки с односельчанами или в рамках своей этнической группы, но повышается важность религиозной общности супругов» [25, с. 425].

Предыдущее авторское исследование [20] выявило некую зависимость компактности проживания дагестанской молодёжи в Санкт-Петербурге от места исхода, по совокупным показателям («да, живут в моем доме» и «да, живут в соседних домах») лидируют следующие регионы исхода в порядке убывания по количеству выбравших данные варианты: Махачкала (10,5%), Хасавюрт (4,6%), Дербент (3,9%), Буйнакс (2,3%), Избербаш (2,3%), Каспийск (~2%), Сулейман-Стальский район (~2%), Хунзахский район (1,65%). В целом, совокупно 55,2%¹ опрошенных отметили, что по соседству с ними проживают другие дагестанцы.

Несмотря на регистрируемую позитивную роль диаспор и землячеств в адаптации и интеграции мигрантов (см., например, [26]), только 32,9% опрошенных среди дагестанской молодёжи поддерживают связь с дагестанской диаспорой, при этом доминирует коммуникативно-культурная направленность, прагматическая направленность отходит на второй план. Таким образом, предпочтение отдается родственно-дружеским связям.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить адаптационный потенциал дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, и капиталы и ресурсы, составляющие его. На успешность адаптационного процесса наибольшее влияние оказывает личностно-культурный ресурс. Индивидуальный социальный и организационный социальный ресурсы оказывают диаметрально противоположное влияние, в связи с чем, возможно, имеет смысл пересмотреть операционализацию социального ресурса, либо произвести его переклассификацию. Образовательно-профессиональный ресурс для оценок дагестанской молодёжью был представлен только в виде профессионального опыта, если учесть, что среди причин переезда молодёжи в Санкт-Петербург для 61,3% доминирует желание получить образование, имело смысл сбалансировать данный вопрос анкеты также вариантом, отражающим ценность полученного/получаемого образования, но это уже залог на будущие исследования. Материальный ресурс оказался в достатке у 36,8% респондентов, при этом анализ ресурсов по самым крупным этническим группам, представленным в опросе,

¹ Из всей совокупности опрошенных (303 респондента), поскольку конструировалась общая карта расселения молодых выходцев из Республики Дагестан.

показал, что самой материально-обеспеченной этнической группой являются лакцы (41,2%).

В целом дагестанская молодёжь, проживающая в Санкт-Петербурге, активно включена в образовательную и трудовую деятельность, дополнительным ресурсом включения может выступать общественная деятельность (при ответе на вопрос об уровне адаптированности к новым условиям жизни все, кто вовлечён в общественную деятельность, выбрали варианты «вполне» и «отчасти»), однако сделать однозначные выводы о позитивном влиянии её на адаптационный процесс не позволяет объём выборки и малый процент вовлечённых в общественную деятельность вообще. Связи с дагестанской диаспорой не играют никакой роли в повседневной жизни 66,7% опрошенных. Однако возможность обращения за помощью в дагестанскую диаспору значима для 50,0% опрошенных¹, а в молодёжную общественную организацию – 24,4%, что указывает на заложенный в данных сетях социальный капитал.

Полученные результаты могут быть использованы в первую очередь лидерами и активистами общественных организаций, представляющих Республику Дагестан в Санкт-Петербурге, для вовлечения молодёжи в общественную деятельность, поскольку в ней, на взгляд автора, скрыт большой нереализованный потенциал, который позволяет облегчать адаптационный процесс. Также полученные данные возможно использовать для корректирования процесса социальной адаптации дагестанской молодёжи на муниципальном уровне и уровне субъекта федерации. На примере деятельности СПбОО «Содружество Молодёжи Дагестана» было выявлено слабое информирование дагестанской молодёжи о проходящих мероприятиях при том, что данная организация проводит около 100 мероприятий ежегодно. Таким образом, представляется необходимым расширить каналы распространения информации, например, задействовав группы дагестанских землячков в социальной сети «ВКонтакте», либо создать единое информационное пространство, где будут освещаться все новости и события из жизни как дагестанцев, проживающих в Санкт-Петербурге, так и актуальная и полезная информация из Республики Дагестан. В данной статье содержатся сведения, полезные самой дагестанской молодёжи, как то акцентирование внимания на эффективности расширения социальных связей, экономической выгоде работы, приближенной к полученному образованию, позитивной роли землячеств (диаспор) в процессе адаптации, пользе общественной деятельности.

Таким образом, проведённое исследование вносит вклад в изучение

¹ Из числа ответивших, что поддерживают связь с диаспорой и с молодёжной организацией, соответственно.

адаптационного потенциала мигрантов (в данном случае внутренних), актуализирует необходимость пересмотра некоторых классификаций ресурсов и/или ресурсов, а также демонстрирует наличие нереализованного потенциала, который может быть использован для коррекции адаптивного процесса дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге.

Результаты проведённого исследования выявили следующие способы капитализации ряда ресурсов адаптационного потенциала дагестанской молодёжи:

- возможность капитализации образовательно-профессионального ресурса может заключаться:
 - в активном применении администрацией и педагогическим составом воспитательной функции учебных заведений;
 - при прочих равных условиях в трудоустройстве по специальности или смежных областях (при примерно равных уровнях заработной платы в разных сферах трудовой деятельности), работники, чья трудовая деятельность приближена или совпадает с полученным образованием, получают заработную плату выше на 7–14,4 п. п., чем работающие совсем не по специальности;
- возможность капитализации социального ресурса может заключаться в:
 - сознательном расширении круга общения молодыми людьми, поскольку, например, удовлетворение желания сменить работу 44,2% опрошенных возможно при активации «слабых связей» (эффективность социального ресурса при поиске работы подробно рассмотрена [27]);
 - вовлечении в общественную деятельность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пасовец Ю. М. Концептуальные основы изучения адаптационного потенциала населения // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 3. С. 205–207. EDN **STVTCZ**.
2. Корель Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск : Наука, 2005. 424 с. ISBN 5-02-032352-7. EDN **QODTJX**.
3. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. EDN **OYUVRD**.
4. Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё ; пер. с франц., отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. 288 с. ISBN 5-89329-762-8. EDN **QOECDF**.
5. Ильин В. И. Быт и бытие молодёжи российского мегаполиса: социальная структура повседневности общества потребления. СПб. : Интерсоцис, 2007. 388 с. ISBN 978-5-943-48-044-7.

6. Аврамова Е. М., Логинов Д. М. Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3 (59). С. 13–17. EDN [HTMNZX](#).
7. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 4. С. 20–32. EDN [OYUVFF](#).
8. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004. 400 с. ISBN 5-7749-0366-4. EDN [QOCZIJ](#).
9. Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России / О. И. Шкаратан, В. А. Бондаренко, Ю. М. Крельберг [и др.]. М. : ГУ-ВШЭ, 2003. 68 с. (Препринт / Гос. ун-т Высш. шк. экономики; WP7 2003/03).
10. Заякина Р. А. Социальный и сетевой капиталы: соотношение понятий в сетевом подходе // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 3, Ч. 2. С. 231–251. DOI [10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-231-251](#). EDN [XSHMHC](#).
11. Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2006. Т. 7, № 3. С. 11–26. EDN [OYOAUH](#).
12. Осянин А. Н. Адаптационные ресурсы современного студенчества: проблемы формирования : автореф. дис... канд. социол. наук : 22.00.04 / Осянин Андрей Николаевич ; науч. рук. Т. В. Свадьбина ; Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2006. 33 с. EDN [ZNSCZL](#).
13. Кижеватова В. А. Адаптация населения в трансформируемом обществе: анализ, прогнозы (региональный аспект). Ульяновск : Изд-во Ульян. гос. ун-та, 2002. 174 с. ISBN 5-88866-126-0.
14. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10 (390). С. 43–53. EDN [WVJOXP](#).
15. Шлыкова Е. В. Уровень адаптивности и порог адаптивного потенциала взрослого населения России // Россия реформирующаяся : ежегодник. 2021. № 19. С. 360–383. DOI [10.19181/ezheg.2021.15](#). EDN [FFXTYV](#).
16. Смолева Е. О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 2. С. 179–195. DOI [10.15838/esc.2019.2.62.11](#). EDN [NYGEPF](#).
17. Головчин М. А. Социологическое измерение адаптационного потенциала учительского сообщества (на примере Вологодской области) // Мир экономики и управления. 2020. Т. 20, № 4. С. 212–231. DOI [10.25205/2542-0429-2020-20-4-212-231](#). EDN [YTRMHY](#).
18. Каравай А. В. Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 1–15. DOI [10.14515/monitoring.2016.3.01](#). EDN [XDGOMV](#).
19. Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска) // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (8). С. 25–49. EDN [TBWLTH](#).
20. Шекера Е. А. Дагестанская молодёжь в Санкт-Петербурге: социальная карта расселения // Дискурс. 2020. Т. 6, № 3. С. 94–108. DOI [10.32603/2412-8562-2020-6-3-94-108](#). EDN [ASFTEH](#).
21. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (Очерки теории и методов исследования). М. : Наука, 2001. 114 с.
22. Horizontal job-education mismatches and earnings of university graduates

- in Russia / V. Rudakov, H. Figueiredo, P. Teixeira, S. Roshchin // Journal of Education and Work. 2022. Vol. 35, № 6-7. P. 680–699. DOI [10.1080/13639080.2022.2126966](https://doi.org/10.1080/13639080.2022.2126966).
23. Корель Л. В. Архитектоника адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс // Регион: экономика и социология. 2007. № 1. С. 169–185. EDN [JJROCX](#).
24. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодёжь России: социологический портрет. М. : ЦСПиМ, 2010. 592 с. ISBN 978-5-89697-182-5. EDN [PDNXHX](#).
25. Казенин К. И., Стародубровская И. В. Дагестанские мигранты в Астрахани: опыт исследования интеграции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4 (164). С. 405–428. DOI [10.14515/monitoring.2021.4.1901](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901). EDN [ZTNFRV](#).
26. Морозова Н. М. Роль диаспор и этнических землячеств в адаптации и интеграции мигрантов (на примере Нижегородской области) // Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп в российских регионах : сб. статей / под ред. А. В. Дмитриева. М. : Новый Хронограф, 2016. С. 80–93. EDN [VYHTLW](#).
27. Грановеттер М. Сила слабых связей / М. Грановеттер ; пер. З. В. Котельниковой // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50. EDN [OYNYKJ](#).

Сведения об авторе

Е. А. Шекера

соискатель учёной степени,
кандидата социологических наук
AuthorID РИНЦ: [1207005](#)
SPIN-код: [6316-9036](#)

Статья поступила в редакцию 21.10.2023; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 20.05.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.6

THE ADAPTIVE POTENTIAL OF MIGRANT YOUTH IN THE MEGAPOLIS: RESOURCE AVAILABILITY AND THE DEVELOPMENT OPPORTUNITIES (USING THE EXAMPLE OF DAGESTANIS LIVING IN ST. PETERSBURG)

Ekaterina Aleksandrovna Shekera

Saint-Petersburg State University,

Saint Petersburg, Russia,

shekerak@gmail.com,

ORCID 0000-0001-6818-0181

For citation: Shekera E. A. The adaptive potential of migrant youth in the megapolis: resource availability and the development opportunities (using the example of Dagestanis living in St. Petersburg). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):122–146. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.6.

Abstract. In the article, within the framework of the resource approach, based on the results of a questionnaire survey, the assessment by the Dagestan youth living in St. Petersburg of their adaptive potential, expressed in the presence of both material and non-material resources, is revealed. The relevance of this study is due to the fact that the success of social adaptation of internal migrants in a new environment largely depends on the available adaptive potential and its constituent resources, as well as the possibilities of its mobilization and building up. Accordingly, it is possible to correct the process of social adaptation by managing the development of certain resources, transferring them into capital. The author provides a distinction between the concepts of “potential”, “capital”, “resource”. The author’s operationalization of the concept of adaptation potential of migrant youth, developed on the basis of the classification of adaptation resources proposed by Yu. M. Pasovets, is presented. The novelty of this study lies in the first attempt to identify the adaptive potential of the Dagestan youth living in St. Petersburg, and its constituent resources. It was revealed that the success of the adaptation process is most influenced by personal-cultural and social (individual) resources. It is concluded that involvement in social activities can be an additional mechanism for successful adaptation, but this potential is practically unrealized due to the low involvement of young people in this type of activity. Accordingly, the results obtained can be used primarily by leaders and activists of public organizations representing the Republic of Dagestan in St. Petersburg to involve youth in public activities, and the data obtained can also be used to correct the process of social adaptation of Dagestan youth at the municipal level and the level of the subject of the federation.

Keywords: social adaptation, adaptational potential, resources of adaptation, Dagestan youth, St. Petersburg, internal migration, resource approach, capital

REFERENCES

1. Pasovets Y. Conceptual principles of analysis of population’s adaptation potential. *The review of economy, the law and sociology*=*Vestnik e’konomiki, prava i sociologii*. 2011;(3):205–207. (In Russ.).

2. Korel' L. V. Sociology of adaptation: questions of theory, methodology and procedure [Sociologija adaptacij: Voprosy teorii, metodologii i metodiki]. Novosibirsk: Nauka; 2005. 424 p. (In Russ.). ISBN 5-02-032352-7.
3. Bourdieu P. Forms of capital [Formy' kapitala]. *Journal of Economic Sociology=E'konomicheskaya sociologiya*. 2002;(5):60–74. (In Russ.).
4. Bourdieu P. Sociology of social space [Sociologiya social'nogo prostranstva]. Transl. from French, rep. ed. translation by N. A. Shmatko. Moscow: Institut e'ksperimental'noj sociologii; St. Petersburg: Aletejya. 2007. 288 p. (In Russ.). ISBN 5-89329-762-8.
5. Ilyin V. I. Life and being of the youth of the Russian megalopolis. Social structuration of everyday life in consumer society [By't i by'tie molodyozhi rossijskogo megapolisa: social'naya strukturaciya povsednevnosti obshhestva potrebleniya]. St. Petersburg: Intersocis; 2007. 388 p. (In Russ.). ISBN 978-5-943-48-044-7.
6. Avraamova E., Loginov D. Adaptation resources of the population: an attempt to quantify [Adaptacionny'e resursy' naseleniya: popy'tka kolichestvennoj ocenki]. *Monitoring of public opinion: economic and social changes=Monitoring obshhchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2002;3(59):13–17. (In Russ.).
7. Radaev V. The concept of capital, forms of capital and their conversion [Ponyatie kapitala, formy' kapitalov i ix konvertaciya]. *Economic sociology=Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002;3(4):20–32. (In Russ.).
8. Zaslavskaya T. I. Modern Russian society: social mechanism of transformation [Sovremennoe rossijskoe obshhestvo: social'ny'j mexanizm transformacii]. Moscow: Delo; 2004. 400 p. (In Russ.). ISBN 5-7749-0366-4.
9. Shkaratan O. I., Bondarenko V. A., Krelberg Yu. M. [et al.]. Social stratification and its reproduction in modern Russia [Social'noe rassloenie i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii]. Moscow: GU-VSHE'; 2003. 68 p. (In Russ.).
10. Zayakina R. Social and network capital: the relationship between concepts in a network approach. *Ideas and ideals=Idei i idealy*. 2021;13(3 pt. 2):231–251. (In Russ.). DOI [10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-231-251](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-231-251).
11. Tikhonova N. E. Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies [Resursny'j podxod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikacionny'x issledovaniyax]. *Economic sociology=Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2006;7(3):11–26. (In Russ.).
12. Osyanin A. N. Adaptation resources of modern students: problems of formation [Adaptacionny'e resursy' sovremennogo studenchestva: problemy' formirovaniya]: extended abstract of dis... Cand. Sociol. Sciences: 22.00.04. N. Novgorod; 2006. 34 p. (In Russ.).
13. Kizhevatova V. A. Adaptation of the population in a transforming society: analysis, forecasts (regional aspect) [Adaptaciya naseleniya v transformiruemom obshhestve: analiz, prognozy' (regional'ny'j aspekt)]. Ulyanovsk: Izd-vo Ul'yan. gos. un-ta; 2002. 174 p. (In Russ.). ISBN 5-88866-126-0.
14. Tikhonova N. E., Karavai A. V. Resources of Russians in crisis conditions: dynamics and role in adaptation to new conditions. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2016;10(390):43–53. (In Russ.).
15. Shlykova E. V. The level of adaptability and limits of adaptive potential of the adult population of Russia in the conditions of transformational changes. *Russia is reforming. Yearbook=Rossiya reformiruyushhayasya. Ezhegodnik*. 2021;(19):360–383. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2021.15](https://doi.org/10.19181/ezheg.2021.15).
16. Smoleva E. O. Criteria and resources for social adaptation of Russia's population. *Economic and social changes: facts, trends, forecast=E'konomicheskie i so-*

- cial'ny'e peremeny': fakty', tendencii, prognoz.* 2019;12(2):179–195. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2019.2.62.11](https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.11).
17. Golovchin M. Sociological measurement of adaptation potential of the teaching community (by the example of the Vologda region). *World of economics and management=Mir e'konomiki i upravleniya.* 2020;20(4):214–233. (In Russ.). DOI [10.25205/2542-0429-2020-20-4-212-231](https://doi.org/10.25205/2542-0429-2020-20-4-212-231).
 18. Karavai A. V. Russian workers: social capital and capital accumulation settings. *Monitoring of public opinion: economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny'.* 2016;(3):1–15. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2016.3.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.01).
 19. Mozgovaya A. V., Shlykova E. V. Social resources and adaptation to risk: The choice of the strategy (on the example of the social community under the particular risk). *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika.* 2014;4(8):25–49. (In Russ.).
 20. Shekera E. A. Dagestan youth in Saint Petersburg: social map of resettlement. *Discourse=Diskurs.* 2020;6(3):94–108. (In Russ.). DOI [10.32603/2412-8562-2020-6-3-94-108](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-3-94-108).
 21. Rybakovsky L. L. Migration of the population. Three stages of the migration process (Essays on theory and research methods) [Migraciya naseleniya. Tri stadii migracionnogo processa (Ocherki teorii i metodov issledovaniya)]. Moscow: Nauka; 2001. 114 p. (In Russ.).
 22. Rudakov V., Figueiredo H., Teixeira P., Roshchin S. Horizontal job-education mismatches and earnings of university graduates in Russia. *Journal of Education and Work.* 2022;35(6-7):68–699. DOI [10.1080/13639080.2022.2126966](https://doi.org/10.1080/13639080.2022.2126966).
 23. Korel L. V. Architectonics of adaptive mechanisms of social systems: sociological discourse [Arxitektonika adaptivny'x mexanizmov social'ny'x sistem: sociologicheskij diskurs]. *Region: economics and sociology=Region: e'konomika i sociologiya.* 2007;(1):169–185. (In Russ.).
 24. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Youth of Russia: a sociological portrait. Moscow: CZSPiM; 2010. 592 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-182-5.
 25. Kazenin K. I., Starodubrovskaya I. V. Dagestaniyan migrants in Astrakhan: a study of integration processes. *Monitoring of public opinion: economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny'.* 2021;4(164):405–428. (In Russ.) DOI [10.14515/monitoring.2021.4.1901](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901).
 26. Morozova N. M. The role of diasporas and ethnic communities in the adaptation and integration of migrants (on the example of the Nizhny Novgorod region). In: Identification strategies of diaspora and community groups in Russian regions: collection of articles. A. V. Dmitrieva ed. Moscow: Novy'j Xronograf; 2016. P. 80–93.
 27. Granovetter M. The Strength of Weak Ties [Sila slaby'x svyazej]. Translated by Z. Kotelnikova. *Economic Sociology=E'konomicheskaya sociologiya.* 2009;10(4):31–50 (In Russ.).

Information about the Author

E. A. Shekera

applicant for Candidate of Sociology degree

ResearcherID: [R-2114-2017](https://orcid.org/0009-0001-2114-2017)

The article was submitted 21.10.2023; approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 20.05.2024.